

О.Н. Борох

*к.э.н, ведущий научный сотрудник, Институт Китая
и современной Азии РАН (Москва)*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ЧАН КАЙШИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ И АКАДЕМИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (Часть 2. Критический взгляд через призму советской политической экономики)¹

Аннотация. В статье исследуются проблемы восприятия книги Чан Кайши «Китайское экономическое учение» (1943), обусловленные политическими подходами и академическим контекстом. Отечественные исследователи новой истории Китая рассматривали книгу Чан Кайши через призму советской политической экономики. Произведённые терминологические замены («товар» вместо «вещи», «деньги» вместо «богатства», «потребности» вместо «желаний») в значительной мере были обусловлены влиянием английского издания, предложившего интерпретацию традиционных китайских понятий в терминах западной экономической науки. Попытка их стыковки с понятийным аппаратом советской политической экономики продемонстрировала сложность перехода между разными системами научного дискурса и стала примером возникновения непонимания в силу принадлежности исследователей к разным научным парадигмам. Политические взгляды Чан Кайши остаются для современного Китая чуждыми. Однако официальные призывы к синтезу марксизма с лучшими традициями китайской культуры создали позитивные предпосылки для заинтересованного переосмысления его суждений о специфических особенностях китайской экономической мысли.

Ключевые слова: *Республиканский Китай, Чан Кайши, китайская экономическая мысль, перевод экономического текста, западная экономическая наука, советская политическая экономика.*

JEL: B2, B31, A13

УДК: 330.83

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_115_127

© О.Н. Борох, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Борох О.Н. Экономическое учение Чан Кайши: политические оценки и академические интерпретации (Часть 2. Критический взгляд через призму советской политической экономики) // Вопросы теоретической экономики. 2024. №4. С. 115–127. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_115_127.*

FOR CITATION: *Borokh O. Economic Teaching of Chiang Kai-shek: Political Assessments and Academic Interpretations (Part 2. A Critical Look through the Prism of Soviet Political Economy) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 4. Pp. 115–127. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_115_127.*

¹ Окончание. Начало: *Борох О.Н. Экономическое учение Чан Кайши: политические оценки и академические интерпретации (Часть 1. Китайские и зарубежные отклики 1940-х годов) // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 3. С. 139–150. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_139_150.*

От английского перевода к отечественным исследованиям

Книга Чан Кайши «Китайское экономическое учение» была опубликована в Китае небольшим тиражом в 1943 г. [*Jiang Zhongzheng*, 1943] и переиздана несколько раз в 1944 г. [*Jiang Zhongzheng*, 1944]. Широкою международную известность эта работа получила после выхода в свет в 1947 г. несанкционированного перевода на английский язык с пояснениями Филипа Джаффе [*Chiang Kai-shek*, 1947]. Эти комментарии вооружали аудиторию широким набором критических аргументов, начиная от политических разоблачений лидера Гоминьдана до обвинений его в научной безграмотности. Они снижали требовательность и внимательность читателя, побуждая воспринимать любые странности и нестыковки английского текста как свидетельства интеллектуальной несостоятельности Чан Кайши. Зачастую этот перевод порождает рассуждения и выводы, не имевшие оснований в тексте китайского первоисточника (см. [Борох, 2024а]).

В советский период многие отечественные исследователи республиканского Китая обращались к понятному и доступному английскому переводу «Китайского экономическое учения». Вместе с содержанием книги Чан Кайши они часто заимствовали политически ангажированные комментарии Джаффе. А.В. Панцов справедливо отметил, что в советской и российской историографии книги Чан Кайши тоже считаются «фашистскими», «реакционными» и «ксенофобскими» [Панцов, 2019. С. 356]. Из комментариев А.В. Джаффе в работы Меликсетова перешли упоминания о шовинистическом и «китаецентристском» определении экономической науки, «реакционном утопизме» [Меликсетов, 1977. С. 168–169]. Исключением стала статья Я.М. Бергера об эволюции суньятсенизма в гоминьдановском Китае, опирающаяся на китайский текст книги Чан Кайши [Бергер, 1973].

Ознакомившись в середине 1940-х гг. с журнальным изданием перевода, А.С. Перевертайло заявил, что книга Чан Кайши «представляет собой апологию старокитайских идеалов общественного и государственного устройства, обосновываемую извлечениями из высказываний и суждений различных китайских философов, моралистов и государственных деятелей. Все законы экономического развития она объясняет “рациональной натурой” человека». Он отметил, что «вдаваться в разбор такого рода теоретических откровений нет необходимости». Вместо этого отечественный специалист по Китаю сосредоточил внимание на политической направленности книги, которая «намечает принципы и пути экономического развития Китая, и, следовательно, раскрывает социально-экономические устремления» правящей партии Гоминьдан [Перевертайло, 1946. С. 24].

В 1970-е гг. советские историки смогли обратиться к исследованию теоретических построений Чан Кайши и анализу связи его концепции китайского экономического учения с древнекитайской традицией. При этом не проводилось сопоставление и уточнение английского перевода по китайскому оригиналу, и неточности английского издания проникали в работы на русском языке. В качестве примера можно указать на трактовки перевода термина «цзинци», прочно утвердившегося во второй четверти XX в. в китайском языке в значении «экономика». Г.Д. Сухарчук заявил, что Чан Кайши передал этот термин с помощью старинного китайского сочетания «управление и снабжение» [Сухарчук, 1978. С. 243; Сухарчук, 1983. С. 191]. В переводе Джаффе речь шла об «управлении и предложении» («management and supply») [*Chiang Kai-shek*, 1947. Footnote 1. P. 243]. Трактовку термина «supply» как «снабжение» можно объяснить влиянием на исследователей советских представлений о функционировании плановой экономики.

Использование комментариев из английского издания порождало запутанные выводы. Отталкиваясь от примечания Джаффе, Сухарчук истолковал данное Чан Кайши определение китайской экономической науки как «управление [людьми]» и «приспособление [вещей к нуждам] государства» [Сухарчук, 1983. С. 191]. Замечу, что ни в китайском тексте, ни в английском переводе в данном случае упоминания о «нуждах государства»

не было. Однако в дальнейшем разъяснении в той же подстраничной сноске английского текста шла речь о «патерналистском правительстве» [*Chiang Kai-shek*, 1947. Footnote 1. P. 243]. Повторяя суждения Джаффе, отечественный историк заключил, что из этого определения экономической науки «легко вывести необходимость в существовании самовоспроизводящейся бюрократии, замыкающейся на патерналистское правительство», которая в Китае «может привести только к феодально-фашистскому строю» [*Сухарчук*, 1983. С. 191]. Вывод о том, что традиционное китайское понимание «цзинцзи» способно стать источником фашизма, — более политический, чем академический.

Рассуждения Джаффе о несоответствии «Китайского экономического учения» критериям *economics* не нашли сочувственного отклика в нашей стране. Исследователи советской эпохи не видели смысла защищать западную «буржуазную» экономическую науку и упрекать Чан Кайши за критику в её адрес. К тому же отечественные китаеведы — историки послевоенной эпохи не были глубокими знатоками современной экономической теории. Отсутствие в советские времена в научном обороте точного эквивалента использованному Джаффе термину «*economics*» привело к его переводам на русский язык как «политэкономия» [*Меликсетов*, 1977. С. 169], «экономика» [*Перевертайло*, 1946. С. 24; *Сухарчук*, 1978. С. 232, 243] или «экономическая наука» [*Сухарчук*, 1983. С. 92]. В монографии Меликсетова появилось отсутствующее в китайском оригинале и английском переводе приписанное Чан Кайши понятие «китайская политэкономия» как синоним учения о построении богатого и сильного государства. Ни одного упоминания о «китайской политэкономии» в книге не было. Обратившись к первоисточнику, специалист со знанием китайского языка без труда перевёл бы «цзинцзи» как «экономика», а «цзинцзисюэ» — «экономическая наука».

Нацеленный на решение политических задач английский перевод заметно упростил нюансы древней терминологии, принципиально важные для понимания содержания «Китайского экономического учения». Чан Кайши использовал относительно редкое традиционное определение сферы экономики-«цзинцзи» как управления «вещами» (*у*), более распространённое определение указывало на управление «народом» (*минь*). Идея «управления вещами» стыкуется в книге с цитатой конфуцианского мудреца Мэн-цзы, призывавшего сочетать заботу о народе с вниманием к предметам материального мира — «вещам» (*у*). Чан Кайши призывал «ради народа любить силу вещей, ради народа развивать силу вещей» [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 13]. Он пояснял, что эта идея заложена в словах Мэн-цзы о «гуманности к людям и любви к вещам» (Мэн-цзы. VII А, 45) [*Конфуцианское Четверокнижие*], 2004. С. 384].

О «вещах» (*у*) также говорилось в процитированной Чан Кайши древней китайской «Книге песен» («Ши цзин») с пояснением, что человек является одним из «видов» «десяти тысяч вещей», т. е. всех компонентов мироздания [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 4]. В английском переводе данного фрагмента в качестве эквивалента «вещи» было использовано слово «*creature*» («создание», «творение») [*Chiang Kai-shek*, 1947. P. 244]. Оно плохо соответствовало контексту традиционной китайской культуры, в котором не было понятий о Творце и сотворённом мире. Тем не менее в издании Джаффе фраза из «Книги песен» «Небо породило людей» переведена как «Бог создал людей» [*Chiang Kai-shek*, 1947. P. 244]. В других разделах книги слово «вещь» (*у*) переводится как «*good*» (благо, товар). Можно сделать вывод, что переводчики проигнорировали осознанную и признанную в научном сообществе полисемантическую китайского слова «вещь» (*у*) [*Бонч-Осмоловская*, 2017].

Терминология «Китайского экономического учения» хорошо стыкуется с лексиконном произведений Сунь Ятсена, демонстрируя преемственность гоминьдановской идеологии. В книгу вошла цитата из «Представления Ли Хунчжану» (1894 г.): «Люди полностью проявляют свои таланты, земля приносит наибольшую пользу, вещи [(*у*) — О.Б.] находят исчерпывающее применение, а товары [(*хо*) — О.Б.] — беспрепятственно обращаются» [*Сунь Ятсен*, 1985. С. 46]. Эти четыре предпосылки богатства и могущества Европы Сунь

Ятсен изложил в обращении к государственному деятелю и дипломату Цинской империи в качестве ориентиров развития китайской экономики.

В интерпретации Чан Кайши данная формулировка указывала на необходимость максимально эффективного использования в интересах национального развития «силы людей, силы земли и силы вещей» [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 11]. В издании Джаффе говорится о «наилучшем использовании рабочей силы, земли и товаров» (the best possible use of manpower, land, and goods) [*Chiang Kai-shek*, 1947. P. 243]. Неточный перевод породил путаницу. В формулировке Сунь Ятсена «товары» (xо) свободно обращаются, а «вещи» (у) — применяются. Поясняющая фраза Чан Кайши говорит об использовании «силы вещей», а не «товаров».

В английском переводе для красоты и связности были добавлены слова, отсутствовавшие в оригинале. Фраза о «проникновении в природу вещей» и «исчерпывающем применении силы вещей» превратилась в «использование природы и полезности (utility) вещей» [*Chiang Kai-shek*, 1947. P. 249]. Однако в данном контексте «силу» (ли) более уместно толковать как «потенциал» или «возможности». К примеру, Сунь Ятсен, рассуждая о «проникновении в природу вещей», подразумевал постижение законов химии и физики, позволяющее людям расширять возможности применения вещей [*Сунь Ятсен*, 1985. С. 51]. Термин «полезность» придаёт переводу научный облик, но не соответствует изначальному смыслу. Крайним упрощением стала замена перечисленных в оригинале «силы людей, силы земли и силы вещей» на «рабочую силу, землю и товары», где «сила вещей» переведена как «товары» («goods») [*Chiang Kai-shek*, 1947. P. 249]. В отечественном научном исследовании этот фрагмент переведён как «наилучшее использование человеческой силы, земли и товаров» [*Сухарчук*, 1983. С. 95].

Замена «вещей» на «товары» в английском переводе способствовала появлению в советских трудах попыток придать тексту отсутствовавший в оригинале политэкономический окрас. Содержание китайских экономических принципов в книге Чан Кайши было охарактеризовано как «изучение отношений между людьми и управления ими и товарами» [*Сухарчук*, 1983. С. 95]. Данное заблуждение не было повсеместным — Перевертайло использовал правильный перевод «у» как «вещи», отметив, что «китайская теория определяет экономику, как науку об управлении людьми и регулировании вещей» [*Перевертайло*, 1946. С. 24].

Английский перевод определения сферы китайской экономической науки как «managing people and adjusting things» трансформировался в отечественной научной литературе в «управление деятельностью людей и распределение товаров» [*Меликсетов*, 1977. С. 167]. Однако о «распределении товаров» Чан Кайши не писал, в оригинале речь шла об изучении отношений между людьми и вещами и упорядочении этих отношений [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 11].

Чан Кайши неоднократно подчёркивал, что китайское экономическое учение начинается исследование факторов производства с людей в соответствии с наставлением древнего конфуцианского текста «Великое учение» («Да сюэ»): «Где люди, там и земля. Где земля, там и богатство. Где богатство, там и применение» [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 6]. В китайском тексте речь идёт именно о «богатстве», а не о «деньгах», которые появились в издании Джаффе [*Chiang Kai-shek*, 1947. P. 243] и впоследствии у советских авторов [*Сухарчук*, 1983. С. 191]. Замена «богатства» на «деньги» сделала трактовку древней формулировки неоправданно узкой. В современном научном переводе «Великого учения» А.И. Кобзева в данном фрагменте использовано слово «богатство» [*Конфуцианское «Четверокнижие»*, 2004. С. 114].

Рассуждения Чан Кайши о том, что в китайской традиции труд и земля превосходят по важности капитал или деньги, могли быть связаны с идеями «ограничения частного капитала» и его «огосударствления», сформулированным Сунь Ятсеном [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 45]. Древним источником тезиса о двух факторах производства — рабочей силе

и земле — стал древнекитайский трактат «Гуань-цзы». На него сослался Чан Кайши для демонстрации связи китайского экономического учения с традиционными концепциями [Jiang Zhongzheng, 1944. P. 16] В главе «Ба гуань» («Восемь наблюдений») книги «Гуань-цзы» говорилось, что без зерна людям нечего будет есть, без земли зерно не будет произведено, без людей земля не будет обработана, и если у людей не будет сил для тяжёлого физического труда, не будет и возможности получить богатство (Ba guan, Eight Observations, V, 13) [Rickett, 1998. P. 230].

Важным компонентом экономического учения Чан Кайши стало суждение древнего конфуцианца Сюнь-цзы о том, что «человек от рождения обладает желаниями», невозможность удовлетворить которые ведёт к соперничеству, смуте и нищете. «Добиться того, чтобы желания не превосходили [возможности] вещей [их удовлетворять], а вещей всегда было бы достаточно для удовлетворения желаний, когда и желания, и вещи соответствуют друг другу и взаимно растут, — такова причина появления ритуала» [Древнекитайская философия, 1972. С. 174–175]. В изложении данной цитаты в монографии Сухарчука говорится о стремлении «воспрепятствовать тому, чтобы правительство исчерпало [возможности снабжения] товарами, а также чтобы не производить товары ради пустой прихоти» [Сухарчук, 1983. С. 97]. Джаффе перевёл этот фрагмент близко к тексту [Chiang Kai-shek, 1947. P. 249]. Отечественный исследователь не стал использовать термины «спрос» и «предложение», которые были добавлены в английский перевод. Вместо них в интерпретацию рассуждения Сюнь-цзы о причинах возникновения ритуальной благопристойности (ли) вторглось стилистически близкое советской экономической лексике «снабжение товарами».

Также следует указать на неоправданную замену в отечественных исследованиях «желаний» на «потребности». Чан Кайши исходил из того, что основой китайской экономической теории является рациональная природа человека, а не его желания [Chiang Kai-shek, 1947. P. 244]. В переводе Джаффе, как и в оригинальном тексте, речь шла именно о «желаниях» («wants»).

В созданных с использованием английского текста публикациях на русском языке «желания» превратились в «потребности», плохо связанные с аргументацией первоисточника: «Базисом китайской экономической теории является рациональная природа человека, но не его потребности» [Перевертайло, 1946. С. 24]. Сходный перевод предложил Сухарчук: «Следовательно, основой [оригинальной] китайской экономической теории является рациональная природа человека, а не его потребности» [Сухарчук, 1983. С. 93]. Смещение «желаний» и «потребностей» способствовало появлению неточной формулировки об «ограничении потребностей людей» в Древнем Китае и утверждений о «контроле над потребностями» в учении древней школы легистов. Эта подмена не соответствовала аргументации Чан Кайши, но резонировала с общественно-политической лексикой советской эпохи — «каждому по потребностям».

Китайские учёные приступили к обсуждению проблемы человеческих желаний в традиционной экономической мысли за несколько десятилетий до появления книги Чан Кайши. Эта тема была поднята в книге Чэнь Хуаньчжана «Экономические принципы Конфуция и его школы» (1911), обращённой к зарубежной аудитории [Chen Huanzhang, 2015]. Представления конфуцианцев и даосов о людских желаниях рассмотрел Юань Сяньнэн в написанной в 1930 г. на английском языке диссертации [Yuan Xianneng, 2013]. В «Истории китайской экономической мысли» (1936) Тан Цинцзэн подробно исследовал и систематизировал представления о человеческих желаниях древнекитайских мыслителей различных философских школ [Tang Qingzeng, 2010]. Эти исследования сформировали академический контекст для трактовки проблемы людских желаний в «Китайском экономическом учении». Произвольное смещение акцента на «потребности» создаёт препятствие для восприятия проблематики книги Чан Кайши на фоне истории китайской экономической мысли Нового времени.

Политическая идеология и китайская экономическая мысль

Особенностью книги Чан Кайши стала попытка найти опору для политических идеалов и экономических планов Гоминьдана в китайской традиции. Работа отразила рост патриотического консенсуса в период Войны сопротивления Японии, когда значительная часть интеллигенции встала на сторону власти и выступила в поддержку национальной культуры, столкнувшейся с серьёзной внешней угрозой.

Книга начиналась с упреков в адрес китайских экономистов, чрезмерно увлечённых изучением передовых методов хозяйства и торговли в подконтрольных иностранцам портах и концессиях в ущерб исследованию насущных проблем внутренних районов страны. В результате, по мнению Чан Кайши, учёные утратили «дух независимости и самостоятельности», принципы китайской экономики стали для них «неясными» [Jiang Zhongzheng, 1944. P. 2].

Эти критические замечания выглядят односторонними. Ещё в 1930-е гг. ведущие представители китайского экономического мейнстрима развернули активные исследования проблем деревни. Марксисты, никак не связанные с иностранными концессиями, сосредоточили усилия на изучении социально-экономического положения китайских крестьян. К тому же японские войска в самом начале войны захватили китайские порты, существенно затруднив возможность их экономического исследования.

Чан Кайши убеждал китайских интеллектуалов признать западную либеральную экономику частью прошлого и обратиться к ресурсам национальной традиции для разработки стратегии послевоенного развития Китая. Базовые постулаты книги Чан Кайши — неразрывная связь «планов государства» (*го цзи*), народного благосостояния (*миньшэн*) и обороны, ответственность государства за «вскармливание народа» (*ян минь*) и «защиту народа» (*бао минь*) — были представлены как обобщение квинтэссенции традиционной китайской мысли [Jiang Zhongzheng, 1944. P. 10]. В качестве самых значительных и представительных экономистов в истории Китая были упомянуты Гуань Чжун (720 г. до н.э. — 645 г. до н.э.), Ван Аньши (1021–1086) и Чжан Цзюйчжэн (1525–1582). Эти фигуры объединяет общий идейный фундамент предложений в сфере экономической политики. По мнению Чан Кайши, никто из них не считал исходной точкой человеческие желания. Все они опирались на китайское понимание человеческой природы и потому стремились к благосостоянию народа, были сосредоточены на проблемах экономического планирования и контроля.

Примечательна попытка Чан Кайши исправить заблуждения конфуцианцев династии Мин, осудивших стремление Чжан Цзюйчжэна к целям создания богатого государства и сильной армии как проявление морально несостоятельного «пути гегемона», противопоставляемого праведному, основанному на принципах гуманности и справедливости «пути правителя-вана» [Jiang Zhongzheng, 1944. P. 20]. Лидер Гоминьдана заявил, что моральные нормы и богатое государство в основе едины, в прежнюю конфуцианскую трактовку внесены коррективы: если практика обретения силы и богатства следует человеческой природе, она относится к «пути правителя», если нет — то к «пути гегемона» [Jiang Zhongzheng, 1944. P. 21]. В английском переводе этот фрагмент был упрощён до неузнаваемости путём замены «пути правителя» на «right» («право») и «пути гегемона» на «might» («сила») [Chiang Kai-shek, 1947. P. 257–258].

Этические нормы конфуцианства были истолкованы как предпосылки экономического регулирования. Чан Кайши отметил, что из людских желаний вырастают многочисленные требования, для удовлетворения которых недостаточно имеющихся ресурсов. Остановить разрастание конфликтов между крестьянами, а также между капиталистами и рабочими, можно лишь благодаря присущим человеческой природе качествам гуманности и любви [Jiang Zhongzheng, 1944. P. 29–30]. Именно эти качества помогают различить, какие желания людей можно не удовлетворять, сберегая тем самым ресурсы для экономического

развития, вплоть до капиталовложений в создание крупных предприятий. Китайский путь не приемлет ни европейского либерализма, запрещающего государству вмешиваться в экономическую жизнь людей, ни марксизма, подавляющего экономическую свободу индивида с помощью диктатуры пролетариата. Обратившись к истории, Чан Кайши напомнил, что китайское государство с древности занималось организацией землепользования, проектировало и строило ирригационные сооружения, прокладывало дороги и каналы. Древний опыт создания государственных зернохранилищ был охарактеризован как полная противоположность экономической теории свободной торговли, считающей богатством торговый профицит. Однако за рубежом уже поняли, что богатство государства начинается с освоения и накопления ресурсов [Jiang Zhongzheng, 1944. P. 35]. Иными словами, мировая практика сближается с древнекитайским образцом, подтверждая тем самым его ценность.

Традиционные меры государственного регулирования богатства через налоги, обеспечение сельским производителям доступа к транспорту и кредиту, казённые монополии охарактеризованы в «Китайском экономическом учении» как слияние практики и конфуцианской этики [Jiang Zhongzheng, 1944. P. 40]. Когда правительство удовлетворяет желания людей, оно следует гуманности, ограничивая желания, оно следует справедливости. Исходя из этого пришедшее из древности учение о гуманности не является «пустыми словами», его применение к обществу, правлению и экономике создаёт соответствующие институты и политику [Jiang Zhongzheng, 1944. P. 40].

Китайские экономические идеи представлены как самобытное явление. Вместе с тем в книге обозначена перспектива сближения с западными экономическими теориями благосостояния. Критика в адрес европейского либерализма и марксизма сопровождалась позитивными оценками теорий Т. Веблена, Л. Уорда и Дж.А. Гобсона, универсализма О. Шпанна [Борох, 2024b]. Обращение к истокам китайской традиции означало не столько стремление отгородиться от любого западного влияния, сколько желание найти путь послевоенного сближения Китая с мировым сообществом.

Чан Кайши подчёркивал, что принципы китайского экономического учения создали не только мыслители, но и государственные мужи, стремившиеся к их практическому воплощению [Jiang Zhongzheng, 1944. P. 28–29]. Полумифический правитель Великий Юй, прославившийся работой по укрощению наводнения, был охарактеризован как «самый великий экономист китайской древности» [Jiang Zhongzheng, 1944. P. 34]. Призыв изучать экономические идеи в единстве с практикой косвенным образом создавал возможность признания вклада в развитие национального экономического учения самого Чан Кайши как государственного деятеля.

Лидер Гоминьдана указал на связь индустриализации с будущим развитием сельского хозяйства, предполагающим появление «больших коллективных ферм», позволяющих экономить силы и наращивать производство [Jiang Zhongzheng, 1944. P. 41]. По этому поводу Джаффе заметил, что это не колхозы советского типа и не западные кооперативы, а «модернизированная версия древней феодальной системы сельских экономико-военных единиц» [Chiang Kai-shek, 1947. Footnote 9. P. 274]. Предложение Чан Кайши восстановить древнюю систему возложения на крестьян воинских обязанностей в рамках слияния народного благосостояния и обороны было нацелено на подготовку страны к ведению затяжной войны по образцу отражения японской агрессии. На деле его трактовка современной войны как «общенародной» [Jiang Zhongzheng, 1944. P. 43] не учитывала возрастающие требования к техническому оснащению вооружённых сил и профессиональной подготовке военнослужащих.

Чан Кайши старался подчеркнуть, что послевоенное экономическое развитие Китая будет основано на разработанных Сунь Ятсеном «трёх народных принципах», призывающих развивать национальное производство, повышать благосостояние людей, держать под контролем частный капитал и регулировать землепользование для предотвращения скупки

земли в спекулятивных целях. Предполагалось, что правительство заставит коммерческий капитал инвестировать в промышленность, крупные госпредприятия станут покупателями сельскохозяйственного сырья [Jiang Zhongzheng, 1944. P. 56]. Лидер Гоминьдана похвалил разработанный Сунь Ятсеном в 1917–1919 гг. «Промышленный план» [Сунь Ятсен, 1985. С. 145–284] за удачную адаптацию ключевых положений «западного экономического учения об индустриальном обществе» к китайским экономическим принципам [Jiang Zhongzheng, 1944. P. 57]. Чан Кайши напомнил основные направления «Промышленного плана», придав им обновлённую трактовку, исходя из нужд обороны, включая дополнение международной торговли через морские порты использованием сухопутных путей в военное время, разработку сырьевых месторождений, равномерное распределение населения и производственных мощностей по территории страны без концентрации в уязвимых приморских провинциях. Поставленные в 1940-е гг. цели сближения уровней народного благосостояния города и деревни, внутренних и приморских районов Китая сохранили актуальность в наши дни.

Издатель английского перевода настойчиво стремился представить обсуждение роли государства в мобилизации экономики в военное время как проявление «милитаристской» и «фашистской» сущности гоминьдановской идеологии. Опора на китайскую традицию была охарактеризована как отражение приверженности феодальному абсолютизму. С точки зрения Джаффе, старые идеи теряли актуальность вслед за сменой общественно-экономической формации. Его критические рассуждения были пропитаны радикальным вестернизаторством, отрицавшим возможность наследования традиционных идей. В этом отношении Чан Кайши оказался ближе к современным китайским попыткам конструктивной интерпретации традиционного наследия, чем его американский оппонент.

Препятствием для целостной объективной оценки «Китайского экономического учения» выступает двойственность этого произведения, ставшего частью политической пропаганды Гоминьдана и одновременно отражением научных поисков китайского экономического сообщества республиканского периода.

Китайские исследователи подчёркивают, что одной из линий размежевания между экономическими течениями республиканского периода стало отношение к национальной традиции. Основным направлением усилий китайских интеллектуалов в Новое время стали распространение иностранной экономической науки и её адаптация к местным условиям. К этому стремились как представители прозападного академического течения, так и марксисты, ориентировавшиеся на советскую политэкономю. Однако существовал также путь развития китайской экономической мысли с опорой на модернизацию традиционного наследия. В этом направлении продвигалось провластное учение народного благосостояния [Xiong Jinwu, 2020].

Цзоу Цзиньвэнь предположил, что одним из интеллектуальных источников книги Чан Кайши стали появившиеся в 1920–1930-е гг. труды китайских исследователей истории национальной экономической мысли, в которых китайская традиция была осмыслена через призму современного экономического знания [Zou Jinwen, 2015]. Китайские учёные первой половины XX в. пытались систематизировать экономические аспекты обширного наследия древнекитайской мысли в соответствии с западной схемой «деления на четыре» — производство, обмен, распределение, потребление. Так поступил Чэнь Хуаньчжан, ставший первопроходцем в изложении экономических идей раннего конфуцианства на английском языке для иностранного читателя. Однако Чан Кайши сознательно отказался от использования этого подхода. В основе его книги лежал акцент на изначальной ценности китайской экономической мысли, автор не стремился искусственно приблизить её к западным стандартам.

Цю Шицзе заметил, что уже в 1930-е гг. китайские экономические круги искали в китайской традиционной мысли «национальную форму» экономического знания. Они стали предвестниками обращения лидера Гоминьдана к китайскому наследию при разработке идейно-теоретической базы будущей экономической политики. С этой точки зрения

«Китайское экономическое учение» выглядит как очевидная попытка «восстановления древности в экономической науке» [Qiu Shijie, 2021. P. 41].

Чан Кайши поставил сложную задачу взаимного согласования и взаимной адаптации опиравшейся на идеи Сунь Ятсена официальной идеологии Гоминьдана с наследием китайской традиции. Предполагалось, что этот синтез откроет путь к разработке суверенной национальной стратегии экономического развития в послевоенный период. После революции 1949 г. близкая к Гоминьдану экономическая школа народного благосостояния прекратила существование в материковом Китае. Во второй половине XX в. содержание книги Чан Кайши не было актуальным для китайских марксистов, впитавших парадигму советской политэкономии.

В 1940-е гг. деятели КПК обличали «феодално-фашистские» взгляды Чан Кайши. Обращение к этой аргументации в начале нашего столетия превратилось в инструмент завуалированной критики современного правления КПК. Историк Юань Вэйши подчеркнул, что экономические планы Чан Кайши не принимали во внимание важности свободы как предпосылки развития, поскольку сформировались под влиянием немецкого варианта милитаризированной контролируемой экономики. По мнению учёного, «заблуждавшимся» и «находившимся в смятении» китайским интеллектуалам, испытавшим на себе значительное влияние советской плановой модели и германской контролируемой экономики, так и не удалось найти правильный путь развития Китая, позволяющий избежать «тёмных сторон капитализма». В изложении Юань Вэйши главным негативным последствием изучения немецкого опыта стало развитие бюрократической экономики, приведшее Гоминьдан к гибели. Рассказав о гоминьдановских преследованиях в адрес демократически мыслявшего экономиста Ма Иньчу, историк заключил: «Политика и экономика тесно связаны, и их трудно разделить. В подобной политической обстановке так называемые процветание и сила могли быть только мечтой» [Yuan Weishi, 2003. P. 20].

История создания китайским партийно-государственным лидером собственного экономического произведения заставляет вспомнить опыт подготовки учебника политической экономии в СССР. Прежде всего можно заметить разницу политических нравов. Участвовавшие в обсуждении проекта учебника советские экономисты вряд ли могли повторить опыт китайских коллег, раскритиковавших в 1944 г. сочинение вождя и рекомендовавших отказаться от его публикации.

Примечательно существенное отличие в подходах И.В. Сталина и Чан Кайши к содержанию задуманных ими экономических пособий. В 1950 г. Сталин рекомендовал делать поменьше «исторических экскурсов», не смешивая учебник политической экономии с учебником по истории культуры. В 1941 г. советский лидер требовал от составителей экономического учебника «говорить проще» [Сталин, 2012]. В книге 1943 г. Чан Кайши сознательно старался «говорить по-китайски», используя сложные для восприятия традиционные категории и отсылки к историческому материалу. Сталин же заранее думал о международном значении книги: «Учебник нужен не только для нашей советской молодёжи. Он особенно нужен для коммунистов всех стран и для людей, сочувствующих коммунистам» [Сталин, 1952. С. 44–45].

Лидер Гоминьдана обратился к теме китайской экономической науки ради разработки стратегии национального развития. Исследование книги Чан Кайши требует использования знаний о китайской традиции. Попытки модернизации пришедшей из древности китайской терминологии разрушают целостность восприятия текста. Ни переводчики, ни зарубежные исследователи не пытались прочитать труд Чан Кайши как работу по истории экономической мысли, центр внимания смещался в сторону политических проблем.

Специфика советского академического контекста проявилась в очевидном стремлении исследователей обойти стороной сопоставления китайской и западной экономической мысли в книге Чан Кайши. Даже при рассмотрении идущей от Смита классической

политэкономии было сказано: «Не вдаваясь в существо этой оценки, следует отметить, что она понадобилась для того, чтобы отмежеваться от марксизма» [Сухарчук, 1983. С. 93–94].

Полностью пренебречь экономическим содержанием книги было невозможно. Ради усиления «экономического окраса» переводчики и зарубежные исследователи привносили в текст отсутствовавшую в оригинале научную терминологию («товары», «полезность», «потребности»). По мере отдаления от китайского первоисточника число смысловых искажений приумножалось.

В английском переводе «вещи» (у) то оставались «вещами» (“things”), то становились «благами» или «товарами» (“goods”). В публикациях на русском языке они окончательно превратились в предназначенный для рыночного обмена «товар», что значительно сузило толкование термина «вещи» (у), содержащегося в тексте оригинала. Многозначность иероглифа «у» не была для исследователей тайной, ещё в XIX в. в китайско-русском словаре Палладия он был переведён как «Твари. Дела. Вещь. Люди. Существо» [Палладий, Попов, 1888. С. 48].

Запутанные трактовки в публикациях 1970–1980-х гг. повлияли на отечественные исследования постсоветского периода. В 1990-е гг. китаеведы обоснованно трактовали смысл сочетания «цзинцзи» как «стяжение от цзин ши цзи у (“упорядочение-гармонизация мира и [тем самым] вспомоществование вещам”)), добавляя оправданную отсылку к термину «у» — «вещам» как синониму «всего сущего». Вместе с тем термин «есопому» по инерции был представлен как обозначение «экономической науки» [Китайская философия, 1994. С. 415–416]. Также было унаследовано представление о разработке Чан Кайши особой «политической экономии Китая», сфера которой «много шире сферы западных экономических учений» [Там же. С. 438–439].

Замена «вещи» на «товар», «богатства» на «деньги» и «желаний» на «потребности» обусловлена как влиянием английского издания, так и субъективным выбором отечественных исследователей. В английском переводе был использован плохо знакомый советским востоковедам язык западной экономической науки. Обращение к лексике советской политэкономии также не способствовало прояснению содержания текста.

Перед нами сложная проблема перехода между разными системами научного дискурса. Перевод книги Чан Кайши на английский язык потребовал интерпретации традиционных китайских понятий в терминах западной экономической науки. Последующее обсуждение работы отечественными исследователями столкнулось с необходимостью стыковки с понятиями советской политэкономии. Это интересный и заслуживающий внимания пример возникновения непонимания в силу принадлежности исследователей к разным научным парадигмам.

Проведённый анализ попытки Чан Каши создать китайское экономическое учение внутри китайского понятийного контекста, усилий Джаффе по его критическому изложению на понятном западной аудитории языке с последующим опытом адаптации к советской версии политической экономии позволяет выявить два «фильтра» — языковой и терминологический. В нашей стране исследованиями «Китайского экономического учения» занимались историки-востоковеды, поверхностно соприкасавшиеся с советской политэкономией и далёкие от современной западной экономической науки.

При обсуждении книги Чан Кайши Джаффе и советские исследователи уделили повышенное внимание теме феодализма, что было обусловлено влиянием марксистского формационного подхода. Современник Чан Кайши марксист Ван Янань критиковал книгу лидера Гоминьдана за претензию на универсальность китайского экономического учения, не учитывавшую различия между формациями. Прямых обвинений в стремлении восстановить в Китае феодализм он не высказывал.

В книге Чан Кайши феодализм упомянут лишь один раз. В главе об идеологии народного благосостояния сказано, что система феодализма была разрушена в Китае две тысячи лет назад [Jiang Zhongzheng, 1944. P. 54]. В переводе Джаффе упоминания о феодализме

присутствуют там, где их не было в первоисточнике: «В первом веке нашей эры Китай был вновь объединён после периода феодальной раздробленности, продлившегося около двухсот лет» [*Chiang Kai-shek*, 1947. P. 255]. В китайском оригинале речь идёт о раздробленности без определения её как «феодальной» [*Jiang Zhongzheng*, 1944. P. 18].

Ссылки на феодализм изобилуют в критических примечаниях к английскому тексту. Джаффе оценил сделанные в период войны суждения Чан Кайши о важности государственного регулирования экономики как возврат к феодализму. Эти замечания повлияли на восприятие книги в нашей стране. Перевертайло указывал, что «её авторы выступают идеологами реакционных сил Китая, стремящихся сохранить там полуфеодальные основы и превратить его при американской поддержке в оплот реакции на Дальнем Востоке» [*Перевертайло*, 1946. С. 26].

Отечественные авторы заключили, что исторические аргументы в книге были «подобраны таким образом, чтобы показать неприменимость и “порочность” рыночной экономики с точки зрения государственно-национальных интересов Китая» [*Сухарчук*, 1983. С. 95]. На самом деле Чан Кайши не выступал с открытой критикой рыночной экономики.

В исследовании Меликсетова книга Чан Кайши была воспринята как изложение программы экономических преобразований Гоминьдана [*Меликсетов*, 1977. С. 167]. На основании такого подхода был сделан вывод, что Чан Кайши «не замечает» важных вопросов иностранных капиталовложений в Китае и экономических взаимоотношений с капиталистическим миром [Там же. С. 170]. Однако рассмотрение этих вопросов экономической политики не входило в замысел книги Чан Кайши.

В советское время исследователи стремились выявить преемственность экономических воззрений китайских лидеров XX столетия. В период критического отношения к политике КПК негативная трактовка экономических идей Чан Кайши была спроецирована на взгляды Мао Цзэдуна. Учёные подчёркивали близость взглядов основателя КНР к «оригинальной китайской экономической теории» лидера Гоминьдана «вплоть до текстуального сходства при формулировании экономических, социальных, этических задач и методов их осуществления на практике» [*Сухарчук*, 1983. С. 164].

Отечественные авторы утверждали, что присутствующие в книге Чан Кайши «торжество волюнтаризма» и «представления о примате этических начал в экономической политике» были материализованы в КНР. Политика «большого скачка» Мао Цзэдуна предстаёт с этой точки зрения как подтверждение «универсальности для практики китайских националистов» многих положений «Китайской экономической теории», включая «систему, при которой деревня составляла бы основную экономическую и военную единицу, при которой создаётся несколько современных отраслей промышленности, работающей в основном на вооружение, на милитаристское противостояние, систему бюрократической централизации» [*Воронцов*, 1974. С. 43].

Глубокие перемены в отношении к национальной культурной традиции в современном Китае создали новый контекст интерпретации книги Чан Кайши. Позитивная оценка древней мысли более не является синонимом «реакции» и «реставрации». Китайское руководство провозгласило целью соединение марксизма с национальной культурной традицией. Официальная идеология КПК становится более открытой для впитывания традиционных концепций. В этих условиях представленные в «Китайском экономическом учении» оценки экономической мысли и политики древности вновь обретают актуальность наряду со многими экономическими трудами китайских авторов первой половины XX в. Политические взгляды Чан Кайши остаются для современного китайского мейнстрима чуждыми, однако его суждения о китайской экономической мысли получают шанс на новое более заинтересованное прочтение. Учёт фактора смещения современного китайского дискурса в сторону традиционализма ставит перед зарубежными исследователями новые задачи. При этом возрастает важность изучения китайских экономических текстов на языке оригинала.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Бергер Я.М. (1973). Об эволюции суньятсенизма в гоминьдановском Китае // *Китай: общество и государство*: Сб. статей [Berger Ya.M. (1973). On the evolution of Sun Yat-senism in Kuomintang China // *China: society and state*. Collection of articles]. — М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы. С. 279–293.
- Бонч-Осмоловская О.А. (2017). Концепция «восприятия вещей» (感物 гань у) в китайской философии и культуре: истоки концепции [Bonch-Osmolovskaya O.A. (2017). The “perception of external things” (感物 gan wu) concept in Chinese philosophy and culture: formation of the concept] // *Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки»*. Т. 3 (69). № 2. С. 3–17.
- Борох О.Н. (2024а). Экономическое учение Чан Кайши: политические оценки и академические интерпретации (Часть 1. Китайские и зарубежные отклики 1940-х годов) [Borokh O.(2024a). Economic Teaching of Chiang Kai-shek: Political Assessments and Academic Interpretations (Part 1. Chinese and foreign reaction of the 1940s)] // *Вопросы теоретической экономики*. 2024. № 3. С. 139–150. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_139_150.
- Борох О.Н. (2024б). Анализ экономической мысли Запада в «Китайском экономическом учении» Чан Кайши [Borokh O.N. (2024b). Analysis of Western economic thought in Chiang Kai-shek's «Chinese economic teaching»] // *Журнал Новой экономической ассоциации*. Т. 64. № 3. С. 190–215. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_190-215.
- Воронцов В.Б. (1974). Дело «Амерейши»: политические столкновения в США по проблемам Китая [Vorontsov V.B. (1974). The Amerasia Case: Political Clashes in the United States over China's Issues]. — М.: Международные отношения.
- Древнекитайская философия. Т. 2. (1972). [Ancient Chinese philosophy. Vol. 2. (1972)]. — М.: Мысль, 1972.
- Китайская философия: Энциклопедический словарь (1994). [Chinese philosophy. Encyclopedic Dictionary (1994)]. — М.: Мысль.
- Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») (2004). [Confucian Four Books «Si shu» (2004)]. — М.: Восточная литература.
- Меликсетов А.В. (1977). Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае (1927–1949) [Meliksetov A.V. (1977). Socio-economic policy of the Kuomintang in China (1927–1949)]. — М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы.
- Палладий, Попов П.С. (1888). Китайско-русский словарь. Т. II [Palladiy, Popov P.S. (1888). Chinese-Russian dictionary. Vol. II]. — Пекин: Типография Тун-вэнь-гуань.
- Панцов А. (2019). Чан Кайши [Pantsov A. (2019). Chiang Kai-shek]. — М.: Молодая гвардия.
- Перевертайло А. (1946). Экономический план Чан Кайши [Perevertailo A. (1946). Chiang Kai-shek's economic plan] // *Новое время*. № 15. С. 23–26.
- Сталин И. (1952). Экономические проблемы социализма в СССР [Stalin I. (1952). Economic problems of socialism in the USSR]. — М.: Госполитиздат.
- Сталин И.В. (2012). Беседы И.В. Сталина с учёными-экономистами. 1941, 1950, 1952 гг. [Stalin I.V. (2012). I.V. Stalin's conversations with economists. 1941, 1950, 1952] // *Исторический архив*. № 4. С. 6–28.
- Сунь Ятсен (1985). *Избранные произведения*: Изд. 2-е, испр. и доп. [Sun Yatsen (1985). Selected works. Second edition, corrected and expanded]. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Сухарчук Г.Д. (1978). Социально-экономические взгляды Чан Кайши // *Китай. Поиски путей социального развития (Из истории общественно-политической мысли XX в.)* [Suharchuk G.D. (1978). Chiang Kai-shek's socio-economic views // *China. Searches for ways of social development (From the history of socio-political thought of the twentieth century)*]. — М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы. С. 223–244.
- Сухарчук Г.Д. (1983). Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в. Сравнительный анализ [Suharchuk G.D. (1983). Socio-economic views of the political leaders of China in the first half of the 20th century. Comparative analysis]. — М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы.
- Chen Huanzhang (2015). *The Economic Principles of Confucius and His School*. — Beijing: Shangwu yinshuguan [Commercial Press].
- Chiang Kai-shek (1947). *China's destiny and Chinese economic theory*. With notes and commentary by Philip Jaffe. — New York: Roy Publishers.
- Jiang Zhongzheng (1943). *Zhongguo jingji xueshuo* [Jiang Zhongzheng (1943). Chinese economic teaching]. — [n.p.]: Guomin zhengfu junshi weiyuanhui weiyuanzhang shicongshi [Generalissimo's adjutant's office of the National military council]. (In Chinese).
- Jiang Zhongzheng (1944). *Zhongguo jingji xueshuo* [Jiang Zhongzheng (1944). Chinese economic teaching]. — [n.p.]: Liansuo shudian [Chain Bookstore]. (In Chinese).
- Qiu Shijie (2021). «Zhongguo jingji yuanlun» yanjiu fangfa de xingcheng [Qiu Shijie (2021). The formation of the research method of «The origin of China's economy»] // *Zhongguo jingjishi yanjiu* [Researches in Chinese Economic History]. No. 2. Pp. 38–51. (In Chinese).

- Rickett W.A. (1998). *Guanzi. Political, Economic, and Philosophical Essays From Early China. Vol. 2.* — Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Tang Qingzeng (2010). *Zhongguo jingji sixiangshi*. [Tang Qingzeng (2010). The history of Chinese economic thought]. — Beijing: Shangwu yinshuguan [Commercial Press]. (In Chinese).
- Xiong Jinwu (2020). Jindai Zhongguo chuantong jingji sixiang xiandaihua lujing yanjiu — jiyu Minsheng jingjixue de weiguan anli [Xiong Jinwu (2020). Research on the modernization path of traditional Chinese economic thought in modern times — a micro-case based on economics of people's livelihood] // *Caijing wenti yanjiu* [Research on Financial and Economic Issues]. No. 10. Pp. 11–21. (In Chinese).
- Yuan Weishi (2003). Jiang Jieshi zai 1943 nian — qiang guo meng yu xianzheng zhi lu [Yuan Weishi (2003). Chiang Kai-shek in 1943 — The dream of a strong country and the road to constitutional government] // *Yanhuang Chunqiu* [Yan-Huang Historical Review (The Spring and Autumn Annals of the Emperors Yan and Huang)]. No 7. Pp. 14–20. (In Chinese).
- Yuan Xianneng (Yuen, Wen Peh) (2013). The Influence of Taoism and Related Philosophies on Chinese Economic Thought // *Yuan Xianneng zhushu wenji. Shang juan* [Collected works of Yuan Xianneng, Vol. 1]. — Beijing: Zhongguo shangwu chubanshe [China Commerce and Trade Press]. Pp. 1–168.
- Zou Jinwen (2015). Bianyuan shang de kaita: minguo shiqi jingji sixiangshi lunwen niaokan [Exploration on the margins: A bird's-eye view of a doctoral thesis on the history of economic thought during the Republic of China] // *Jingjixuejia chazuo* [Teahouse for Economists]. No. 4. Pp. 43–48. (In Chinese).

Борох Ольга Николаевна

borokh@hotmail.com

Olga Borokh

PhD (Economics), Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of sciences (Moscow)

borokh@hotmail.com

ECONOMIC TEACHING OF CHIANG KAI-SHEK: POLITICAL ASSESSMENTS AND ACADEMIC INTERPRETATIONS (PART 2. A CRITICAL LOOK THROUGH THE PRISM OF SOVIET POLITICAL ECONOMY)

Abstract. The paper examines the problems of perception of the content of Chiang Kai-shek's book «Chinese Economic Teaching» (1943), shaped by political approaches and academic context. Soviet scholars of China's modern history viewed Chiang Kai-shek's book through the prism of Soviet political economy. The terminological substitutions made («goods» instead of «things», «money» instead of «wealth», «needs» instead of «wants») were largely due to the influence of the English edition, which offered interpretations of traditional Chinese concepts in terms of Western economics. The attempt to dock with the conceptual apparatus of Soviet political economy demonstrated the complexity of the transition between different systems of academic discourse and became an example of the emergence of misunderstanding due to the belonging of researchers to different scientific paradigms. Chiang Kai-shek's political views remain alien to contemporary China. However, official calls for the synthesis of Marxism with the best traditions of Chinese culture created positive preconditions for an interested rethinking of his judgments on the specific features of Chinese economic thought.

Keywords: *Republican China, Chiang Kai-shek, Chinese economic thought, translation of economic text, Western economics, Soviet political economy.*

JEL: B2, B31, A13.